

The background of the entire page is a close-up photograph of several dandelion seed heads. The seeds are light beige and have a delicate, feathery structure. The stems are thin and brown. The lighting is soft, creating a gentle, ethereal atmosphere. The text is overlaid on this background.

Татьяна Ковалева

Пушинка

Татьяна Ковалева

Пушинка

<https://litres.ru/74022736>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это роман о Матери. Женщине, которая в детстве пережила войну в тылу, сиротство, голод, потерю близких, одиночество. И о том, как человек, даже когда его ломают, способен вырастить внутри себя стержень, который держит не только его самого, но и тех, кто рядом.

Это история одной жизни, в которой отразилась целая эпоха.

Содержание

Глава 1. Пушинка

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Татьяна Ковалева

Пушинка

Глава 1. Пушинка

Лиза родилась в краю, где небо наваливается на землю, словно хочет её обнять. Забайкалье — оно неласковое, суровое: сопки, поросшие лиственницей и кедровым стлаником, реки с ледяной водой, а летом — марево над степями, где ветер гоняет перекати-поле. И воздух такой, что пьёшь его, как кумыс, — крепко, до хмеля. Когда Лиза была маленькой, ей казалось, что мир состоит из запахов: пахло сеном, прелой хвоей, парным молоком и почему-то старым снегом. Снег в Забайкалье лежал долго, даже в апреле он таил в ложбинах, сизый, колючий.

Она родилась в год, когда отца забрали в армию. Мать осталась одна с животом, и со Степаном - малышом пяти лет на руках и с тревогой, которая не отпускала её ни днём ни ночью.

Рожала Лизу дома, в деревне, где жили родители её матери. Бабушки — обе, и по материнской, и по отцовской линии — суетились у печи, в комнате, пропахшей травами. Роженице привели повитуху, которая командовала и роженицей и бабушками -ассистентками, терпеливо ожидали новый

крик. Девочку окрестили в местной церкви, назвали Ириной. Решили: имя тихое, монашеское, под стать забайкальскому небу.

Отец вернулся через несколько месяцев. Он вошёл в дом, и, сняв шапку, сначала посмотрел на сына, который пристроился у печки с ложкой каши, потом на жену. И сказал:

— А покажи-ка мне мою дочь.

Мать вынесла свёрток. Отец откинул край пелёнки, посмотрел на девочку долгим взглядом, улыбнулся, поцеловал жену.

— Спасибо, любимая, я так хотел, чтобы была доченька. Спросил, как назвали.

— Ирина? — спросил он тихо. — Нет. Она у нас будет Лиза. Мы с Гришей, моим другом и сослуживцем договорились, что если родятся девочки, запишем их Лизами, одинаково.

Мать всплеснула руками. Бабушки заохали. Но отец был человеком, которого в районе называли «крепким хозяйственником». Он уже тогда работал в руководстве, и его слово в доме значило больше, чем совет матери и тещи. Сходил в сельсовет, оформил перемену имени. Так Ирина стала Лизой — звонкой, короткой, как выстрел.

В сорок первом началась война. Лизе было восемь лет, и она не сразу поняла, почему мать плачет, слушая сводки из репродуктора. Почему отца, который должен был уйти на фронт, оставили по брони. Он нужен был в тылу, чтобы

обеспечивать фронт хлебом, мясом, чтобы работали заводы и эвакуированные госпитали. Отец редко бывал дома, только набегам, и каждый раз, когда он садился в седло (ближайшие сёла объезжали на лошадях, машин было мало), Лиза выбегала на крыльцо и махала вслед, пока пыль не оседала на бурых прошлогодних травах.

В доме было трое детей. Старший, Степан, — мамин помощник, серьёзный, не по годам взрослый. Он уже закончил семь классов и устроился в колхоз помогать механизаторам. Младший, Алёша, родился в самый разгар войны. Он ходил в коротких штанишках и всё время норовил сунуть пальцы в розетку. А между ними — Лиза. Единственная дочка, любимица. Мать баловала её, как умела в те голодные годы: то завяжет бант из обрезков ситца на пышную шевелюру с крупными кудряшками, то оставит последний пряник на заварном чайнике или под блюдцем. Отец, возвращаясь с объездов, привозил ей то карамельку в железной коробке, то ленту для кос. И Лиза росла в ощущении, что мир — это большая любовь. Она не знала, что такое голод по-настоящему, не знала, что такое слёзы от бессилия. Война была где-то там, за сопками, а у неё — дом, сад, братья и мама, которая пахнет пирогами и чуть дымом.

Всё изменилось в один день, когда Лизе был десятый год. Она проснулась утром и не смогла встать. Ноги не слушались, словно ватные, чужие. Она попробовала сползти с кро-

вати — и упала, больно ударившись плечом о дощатый пол. Мать закричала.

— Вставай, доченька, вставай!

Но Лиза не могла встать, ноги совершенно не слушались. Она лежала и смотрела на свои босые ступни, которые вдру перестали быть её частью. В районной больнице сказали — неясно, может, полиомиелит, может, последствия тяжёлой ангины, которую Лиза перенесла за несколько месяцев до этого. Лечение — покой, постельный режим, никакой нагрузки. И терпение.

Год Лиза провела в кровати, школа пошла навстречу и перевела её на домашнее обучение. Острый ум и прилежность позволили ей не отставать от одноклассников. Учительница с удовольствием посещала ученицу раз в неделю. Проверяла сделанные задания, давала новые и потом, они долго разговаривали на разные темы. А долгое одиночество скрашивало чтение литературы.

Лизу перекладывали, как куклу, кормили на постели, выносили на руках во двор. Мама усердно разминала ей ноги, натирала мазями и растирками, укутывала ноги, говорила — потерпи, солнышко, всё пройдёт.

А отец привозил ей книги. Толстые, в твёрдой обложке, пахнущие типографской краской и далёкими городами. Лиза читала запоем: сначала сказки, потом приключенческие романы, потом — всё, что удавалось достать в районной библиотеке. Читала при свете керосиновой лампы, пока в доме

не затихали голоса. Читала, когда за окном выла пурга, и когда на сопках зеленела первая травка. Книги стали её окном в мир, который не хотел её пускать.

Ноги вернулись сами, без врачей, без магии. Просто однажды она встала, держась за спинку кровати, и сделала шаг. Второй. Третий.

Мать плакала, прижимая её к груди. А Лиза потом говорила, что запомнила этот день, когда впервые после болезни вышла на крыльцо и увидела, как далеко и высоко забайкальское небо.

Но не прошло и года, как мать умерла. Вдруг, без видимой болезни.

Лизе было одиннадцать. Она не знала, что в голове человека может лопнуть сосуд, — просто зашла в избу, а мать лежала на полу, и лицо её было спокойным, почти счастливым, как будто она наконец-то отдохнула от всего: от войны, от голода, от бесконечных «надо». Лиза стояла в дверях, сжимая в руке букет полевых цветов (нарвала за околицей, хотела порадовать), и не могла пошевелиться. Первым пришел в себя Степан. Ему было шестнадцать. Он закрыл маме глаза, вывел Лизу в сени и сказал ровным голосом, в котором не было ничего детского:

— Я теперь за вас отвечаю.

Вто время очень часто дети оставались сиротами, да и сейчас это происходит в некоторых семьях. Я имею в виду: сиротами - когда умирает мама, ведь сирот, потерявших одно-

го из родителей и сейчас, и тогда было очень много по разным причинам. Неполная семья когда родители расходятся – это, конечно очень тяжело, но не так трагично, ведь когда уходит Мама – мир рушится, теряется тот внутренний стержень, который незримо поддерживает человека по жизни.

Отцу не было времени заниматься домом детьми, ни готовить. Его работа, война, которая всё ещё шла, хоть и затихала, требовала присутствия.

Через полгода он привёл в дом новую жену — вдову, у которой муж погиб на фронте, а осталось трое детей. В те времена часто бывало: чтобы выжить, поднять детей сводили семьи, так и выживали.

Мачеха была женщиной хозяйственной, строгой. Она не жалела ни своих, ни чужих. Дом сразу стал тесным, шумным, чужим. Шестеро детей: два пасынка и падчерица (Степан, Лиза, маленький Алёша и трое собственных дочерей : Рая - старшая, Ольга средняя, одногодка Лизе и младшая Алена.

Лизе казалось, что её стёрли с карты, которую она так любила. Место за столом — общее, одежда — по старшинству, ласка — только младшим. Она поняла, что больше не любимица. Она — одна из многих.

через год родился совместный ребенок .– братишка
Человечек, который был родным всем.

Дети тоже неплохо сошлись, надо сказать: старшие старший сын отца Степан и старшая дочь мачехи Раиса стали мужем и женой.

На взгляд Мачехи, Лиза была ну очень избалована, свое-
нравна и непослушна. Нельзя сказать, справедливости ради,
что в этих характеристиках не было доли правды, но ведь
каждый человек себя ценит чуть выше, чем окружающие. И
даже если окружающие не могут увидеть и до конца оценить
всех качеств человека, мы, то есть каждый из нас, себе знаем
истинную цену, и она высока, эта цена.

Однако это все о внутреннем противостоянии, а внешне
было все проще, семья жила своей жизнью: Отец работал в
тылу, служил Родине, Мачеха управлялась по хозяйству и,
надо заметить, весьма успешно и умело. Подсобное хозяй-
ство семьи позволяло жить в те трудные годы без тотального
голода, хотя есть хотелось всегда. Война закончилась, нача-
лось восстановление всего народного хозяйства

И тут приходит на ум один эпизод из жизни семьи, став-
ший очередным семейным анекдотом. Времечко было голод-
ное. Недоедали все, но мать есть Мать и женщины, даже в
то голодное послевоенное время, умудрялись радовать семьи
какими ни будь вкусностями.

Скажу так: печь блины для многочисленной семьи, это по-
двиг, который можно приравнять к подвигу Стаханова и дру-
гих сподвижников ударного социалистического труда, ведь
это надо сделать быстро (настряпать гору блинов) их, бли-
нов, должно быть много, чтобы всем доставить удовольствие.
Поглощаются блины с умопомрачительной скоростью и в
неимоверных количествах. Это личное ощущение от приго-

товления этого русского деликатеса как матери небольшого семейства с двумя детьми. А каково было накормить блинами вышеупомянутую семейку?

И все же, все наелись, поблагодарили Мать и удалились. За столом остался самый младший. Мать допекала блины для Отца - он скоро вернется с работы, да и сама она намеревалась присесть почаевничать с хозяином.

Сын попросил еще блина:

— Мама у меня чай остался, дай, пожалуйста, еще блина.

Мать бросила сыну на тарелку 2 блина. Через некоторое время:

— Мам, налей чаю, у меня блин остался.

Так сынок проделал несколько раз, пока Мать не разоблачила его хитрость.

В тот вечер хоть один человек в поселке был безгранично счастлив и сыт, а в семейной скарбнице забавных семейных историй добавился еще один рассказ.

Лиза чувствовала себя неудобно в новой семье. Своих три дочери полностью удовлетворяли материнские чувства Мачехи и при внешнем благополучии, жизнь Лизы уже не была такой радостной и беспечной.

Если глянуть на все происходящее в жизни нашей героини, то ничего сверх несчастного не происходило, ведь в то время очень часто дети оставались сиротами, да и сейчас это происходит в некоторых семьях. Я имею в виду: сиротами - когда умирает мама, ведь сирот, потерявших одного из ро-

дителей - отца и сейчас, и тогда было очень много по разным причинам. Неполная семья когда родители расходятся – это, конечно очень тяжело, но не так трагично, ведь когда уходит Мама – мир рушится, теряется тот внутренний стержень, который незримо поддерживает и ведет человека по жизни.

Рожденная в большой любви, успевшая от этой любви выпитать жизненную силу, Лиза при первой возможности покинуть отчий дом, сделала это.

Закончив девятый класс, она приняла решение, которое потом будет вспоминать как первый взрослый поступок. Лиза сказала отцу:

— Я поеду учиться, в педагогический техникум. Отец посмотрел на неё долго, как тогда, новорожденную, когда переименовывал в Лизу. И кивнул:

— Собирайся. Ты у меня сильная.

Она уехала на рассвете. Автобусом до Улан-Удэ. С собой балетка — маленький чемодан с двумя платьями, подаренными мамой ещё при жизни, и «Война и мир» — книга, которую начала и не дочитала перед отъездом. За окном автобуса плыли сопки, перелески, маленькие остановки с названиями, похожими на вздохи. Лиза смотрела на них и знала: она не вернётся. Не теперь. Может быть, и никогда.

Впереди была совсем другая жизнь.

Первый месяц, пока сдавала вступительные экзамены и оформлялась в студенческое общежитие, жила у родного брата отца, а потом переехала в общежитие.

Лиза довольно успешно училась, была любознательна и в свободные дни узнавала город, иногда виделась с братом, который заканчивал институт, много читала. Лизе нравилась независимая жизнь. Иногда её навещал отец. Он привозил гостинцев и продуктов питания, которые съедались всей студенческой братией буквально за три дня.

Закончив техникум, Лиза была направлена в сельскую школу в том же районе, где она родилась и закончила школу километрах в двадцати от райцентра, где жил отец и семья.

Стала она старшей пионервожатой.

В то советское время старшие пионервожатые были ничем иным как идеологическим работником в школьной среде. Обязанностью старшей пионервожатой было организация внеклассного воспитания учеников и организация содержательного досуга.

Пионерский возраст от девяти до четырнадцати лет самый благодатный возраст для воспитания в человеке определенных нравственных установок и моральных принципов. Вот такая ответственная миссия была возложена на нашу героиню при направлении на работу.

В то время работал в государстве закон предоставления выпускнику первого места работы по приобретенной специальности. Администрация, принявшая выпускника, не имела права уволить его ранее, чем через три года. В свою очередь и выпускник не имел права покинуть учреждение, в которое его направили на работу по распределению три года.

Таким образом решалось немало проблем и учреждения, и молодого человека взаимно.

Можно немало поразмышлять на эту тему, но судьба нашей героини настоятельно зовет вперед.

Деревня, где очутилась наша выпускница, была ей незнакома, но находилась довольно недалеко от отцовского дома, а также недалеко от родных мамы. В городе жил Андрей старший брат мамы и в другом районе – младший брат – Сергей.

Так что географически было удобно, если не считать транспортных проблем, ведь из глубинки попасть в район было проблематично. Но так жили все и ничего в этом сверхестественного не было.

Работа в сельской школе была интересная. Дети полюбили жизнерадостную, легкую во взаимоотношениях, начитанную и красивую девушку.

О красоте можно поспорить или поразмышлять, потому что она никогда не считала себя красивой. А если взглянуть со стороны, то внешний облик молоденькой 17-18 летней девушки с задорным и глубокомысленным взглядом весьма благоприятно дополняла копна красивых кудрявых волос.

В селе за её волосы, светлый нрав и легкую стройную фигуру прозвали «Пушинка». И сама она начала верить, что жизнь, вопреки всему, может быть лёгкой.

Лиза родилась в краю, где небо наваливается на землю, словно хочет её обнять. Забайкалье — оно неласковое, суровое: сопки, поросшие лиственницей и кедровым стлаником, реки с ледяной водой, а летом — марево над степями, где ветер гоняет перекати-поле. И воздух такой, что пьёшь его, как кумыс, — крепко, до хмеля. Когда Лиза была маленькой, ей казалось, что мир состоит из запахов: пахло сеном, прелой хвоей, парным молоком и почему-то старым снегом. Снег в Забайкалье лежал долго, даже в апреле он таил в ложбинах, сизый, колючий.

Она родилась в год, когда отца забрали в армию. Мать осталась одна с животом, и со Степаном - малышом пяти лет на руках и с тревогой, которая не отпускала её ни днём ни ночью.

Рожала Лизу дома, в деревне, где жили родители её матери. Бабушки — обе, и по материнской, и по отцовской линии — суетились у печи, в комнате, пропахшей травами. Роженице привели повитуху, которая командовала и роженицей и бабушками -ассистентками, терпеливо ожидали новый крик. Девочку окрестили в местной церкви, назвали Ириной. Решили: имя тихое, монашеское, под стать забайкальскому небу.

Отец вернулся через несколько месяцев. Он вошёл в дом,

и, сняв шапку, сначала посмотрел на сына, который пристроился у печки с ложкой каши, потом на жену. И сказал:

— А покажи-ка мне мою дочь.

Мать вынесла свёрток. Отец откинул край пелёнки, посмотрел на девочку долгим взглядом, улыбнулся, поцеловал жену.

— Спасибо, любимая, я так хотел, чтобы была доченька. Спросил, как назвали.

— Ирина? — спросил он тихо. — Нет. Она у нас будет Лиза. Мы с Гришей, моим другом и сослуживцем договорились, что если родятся девочки, запишем их Лизами, одинаково.

Мать всплеснула руками. Бабушки заохали. Но отец был человеком, которого в районе называли «крепким хозяйственником». Он уже тогда работал в руководстве, и его слово в доме значило больше, чем совет матери и тещи. Сходил в сельсовет, оформил перемену имени. Так Ирина стала Лизой — звонкой, короткой, как выстрел.

В сорок первом началась война. Лизе было восемь лет, и она не сразу поняла, почему мать плачет, слушая сводки из репродуктора. Почему отца, который должен был уйти на фронт, оставили по брони. Он нужен был в тылу, чтобы обеспечивать фронт хлебом, мясом, чтобы работали заводы и эвакуированные госпитали. Отец редко бывал дома, только набегами, и каждый раз, когда он садился в седло (ближайшие сёла объезжали на лошадях, машин было мало), Лиза

выбегала на крыльцо и махала вслед, пока пыль не оседала на бурых прошлогодних травах.

В доме было трое детей. Старший, Степан, — мамин помощник, серьёзный, не по годам взрослый. Он уже закончил семь классов и устроился в колхоз помогать механизаторам. Младший, Алёша, родился в самый разгар войны. Он ходил в коротких штанишках и всё время норовил сунуть пальцы в розетку. А между ними — Лиза. Единственная дочка, любимица. Мать баловала её, как умела в те голодные годы: то завяжет бант из обрезков ситца на пышную шевелюру с крупными кудряшками, то оставит последний пряник на заварном чайнике или под блюдцем. Отец, возвращаясь с объездов, привозил ей то карамельку в железной коробке, то ленту для кос. И Лиза росла в ощущении, что мир — это большая любовь. Она не знала, что такое голод по-настоящему, не знала, что такое слёзы от бессилия. Война была где-то там, за сопками, а у неё — дом, сад, братья и мама, которая пахнет пирогами и чуть дымом.

Всё изменилось в один день, когда Лизе был десятый год. Она проснулась утром и не смогла встать. Ноги не слушались, словно ватные, чужие. Она попробовала сползти с кровати — и упала, больно ударившись плечом о дощатый пол. Мать закричала.

— Вставай, доченька, вставай!

Но Лиза не могла встать, ноги совершенно не слушались.

Она лежала и смотрела на свои босые ступни, которые вдруг перестали быть её частью. В районной больнице сказали — неясно, может, полиомиелит, может, последствия тяжёлой ангины, которую Лиза перенесла за несколько месяцев до этого. Лечение — покой, постельный режим, никакой нагрузки. И терпение.

Год Лиза провела в кровати, школа пошла навстречу и перевела её на домашнее обучение. Острый ум и прилежность позволили ей не отставать от одноклассников. Учительница с удовольствием посещала ученицу раз в неделю. Проверяла сделанные задания, давала новые и потом, они долго разговаривали на разные темы. А долгое одиночество скрашивало чтение литературы.

Лизу перекладывали, как куклу, кормили на постели, выносили на руках во двор. Мама усердно разминала ей ноги, натирала мазями и растирками, укутывала ноги, говорила — потерпи, солнышко, всё пройдёт.

А отец привозил ей книги. Толстые, в твёрдой обложке, пахнущие типографской краской и далёкими городами. Лиза читала запоем: сначала сказки, потом приключенческие романы, потом — всё, что удавалось достать в районной библиотеке. Читала при свете керосиновой лампы, пока в доме не затихали голоса. Читала, когда за окном выла пурга, и когда на сопках зеленела первая травка. Книги стали её окном в мир, который не хотел её пускать.

Ноги вернулись сами, без врачей, без магии. Просто одна-

жды она встала, держась за спинку кровати, и сделала шаг. Второй. Третий.

Мать плакала, прижимая её к груди. А Лиза потом говорила, что запомнила этот день, когда впервые после болезни вышла на крыльцо и увидела, как далеко и высоко забайкальское небо.

Но не прошло и года, как мать умерла. Вдруг, без видимой болезни.

Лизе было одиннадцать. Она не знала, что в голове человека может лопнуть сосуд, — просто зашла в избу, а мать лежала на полу, и лицо её было спокойным, почти счастливым, как будто она наконец-то отдохнула от всего: от войны, от голода, от бесконечных «надо». Лиза стояла в дверях, сжимая в руке букет полевых цветов (нарвала за околицей, хотела порадовать), и не могла пошевелиться. Первым пришел в себя Степан. Ему было шестнадцать. Он закрыл маме глаза, вывел Лизу в сени и сказал ровным голосом, в котором не было ничего детского:

— Я теперь за вас отвечаю.

Вто время очень часто дети оставались сиротами, да и сейчас это происходит в некоторых семьях. Я имею в виду: сиротами - когда умирает мама, ведь сирот, потерявших одного из родителей и сейчас, и тогда было очень много по разным причинам. Неполная семья когда родители расходятся – это, конечно очень тяжело, но не так трагично, ведь когда уходит Мама – мир рушится, теряется тот внутренний стер-

жень, который незримо поддерживает человека по жизни.

Отцу не было времени заниматься домом детьми, ни готовить. Его работа, война, которая всё ещё шла, хоть и затихала, требовала присутствия.

Через полгода он привёл в дом новую жену — вдову, у которой муж погиб на фронте, а осталось трое детей. В те времена часто бывало: чтобы выжить, поднять детей сводили семьи, так и выживали.

Мачеха была женщиной хозяйственной, строгой. Она не жалела ни своих, ни чужих. Дом сразу стал тесным, шумным, чужим. Шестеро детей: два пасынка и падчерица (Степан, Лиза, маленький Алёша и трое собственных дочерей : Рая - старшая, Ольга средняя, одногодка Лизе и младшая Алена.

Лизе казалось, что её стёрли с карты, которую она так любила. Место за столом — общее, одежда — по старшинству, ласка — только младшим. Она поняла, что больше не любимица. Она — одна из многих.

через год родился совместный ребенок .– братишка
Человечек, который был родным всем.

Дети тоже неплохо сошлись, надо сказать: старшие старший сын отца Степан и старшая дочь мачехи Раиса стали мужем и женой.

На взгляд Мачехи, Лиза была ну очень избалована, свое нравна и непослушна. Нельзя сказать, справедливости ради,

что в этих характеристиках не было доли правды, но ведь каждый человек себя ценит чуть выше, чем окружающие. И даже если окружающие не могут увидеть и до конца оценить всех качеств человека, мы, то есть каждый из нас, себе знаем истинную цену, и она высока, эта цена.

Однако это все о внутреннем противостоянии, а внешне было все проще: семья жила своей жизнью: Отец работал в тылу, служил Родине, Мачеха управлялась по хозяйству и, надо заметить, весьма успешно и умело. Подсобное хозяйство семьи позволяло жить в те трудные годы без тотального голода, хотя есть хотелось всегда. Война закончилась, началось восстановление всего народного хозяйства

И тут приходит на ум один эпизод из жизни семьи, ставший очередным семейным анекдотом. Времечко было голодное. Недоедали все, но мать есть Мать и женщины, даже в то голодное послевоенное время, умудрялись радовать семьи какими ни будь вкусностями.

Скажу так: печь блины для многочисленной семьи, это подвиг, который можно приравнять к подвигу Стаханова и других сподвижников ударного социалистического труда, ведь это надо сделать быстро (настряпать гору блинов) их, блинов, должно быть много, чтобы всем доставить удовольствие. Поглощаются блины с умопомрачительной скоростью и в невероятных количествах. Это личное ощущение от приготовления этого русского деликатеса как матери небольшого семейства с двумя детьми. А каково было накормить блина-

ми вышеупомянутую семейку?

И все же, все наелись, поблагодарили Мать и удалились. За столом остался самый младший. Мать допекала блины для Отца - он скоро вернется с работы, да и сама она намеревалась присесть почаевничать с хозяином.

Сын попросил еще блина:

— Мама у меня чай остался, дай, пожалуйста, еще блина.

Мать бросила сыну на тарелку 2 блина. Через некоторое время:

— Мам, налей чаю, у меня блин остался.

Так сынок проделал несколько раз, пока Мать не разоблачила его хитрость.

В тот вечер хоть один человек в поселке был безгранично счастлив и сыт, а в семейной скарбнице забавных семейных историй добавился еще один рассказ.

Лиза чувствовала себя неуютно в новой семье. Своих три дочери полностью удовлетворяли материнские чувства Мачехи и при внешнем благополучии текущей жизни, жизнь Лизы уже не была такой радостной и беспечной.

Если глянуть на все происходящее в жизни нашей героини, то ничего сверх несчастного не происходило, ведь в то время очень часто дети оставались сиротами, да и сейчас это происходит в некоторых семьях. Я имею в виду: сиротами - когда умирает мама, ведь сирот, потерявших одного из родителей и сейчас, и тогда было очень много по разным при-

чинам. Неполная семья когда родители расходятся – это, конечно очень тяжело, но не так трагично, ведь когда уходит Мама – мир рушится, теряется тот внутренний стержень, который незримо поддерживает и ведет человека по жизни.

Рожденная в большой любви, успевшая от этой любви впитать жизненную силу, Поэтому при первой возможности покинуть отчий дом, она сделала это.

Закончив девятый класс, она приняла решение, которое потом будет вспоминать как первый взрослый поступок. Лиза сказала отцу:

— Я поеду учиться, в педагогический техникум. Отец посмотрел на неё долго, как тогда, новорождённую, когда переименовывал в Лизу. И кивнул:

— Собирайся. Ты у меня сильная.

Она уехала на рассвете. Автобусом до Улан-Удэ. С собой балетка — маленький чемодан с двумя платьями, подаренными мамой ещё при жизни, и «Война и мир» — книга, которую начала и не дочитала перед отъездом. За окном автобуса плыли сопки, перелески, маленькие остановки с названиями, похожими на вздохи. Лиза смотрела на них и знала: она не вернётся. Не теперь. Может быть, и никогда.

Впереди была совсем другая жизнь.

Первый месяц, пока сдавала вступительные экзамены и оформлялась в студенческое общежитие, жила у родного брата отца, а потом переехала в общежитие.

Лиза довольно успешно училась, была любознательна и в

свободные дни узнавала город, иногда виделась с братом, который заканчивал институт, много читала. Лизе нравилась независимая жизнь. Иногда её навещал отец. Он привозил гостинцев и продуктов питания, которые съедались всей студенческой братией буквально за три дня.

Закончив техникум, Лиза была направлена в сельскую школу в том же районе, где она родилась и закончила школу километрах в двадцати от райцентра, где жил отец и семья.

Стала она старшей пионервожатой.

В то советское время старшие пионервожатые были ничем иным как идеологическим работником в школьной среде. Обязанностью старшей пионервожатой было организация внеклассного воспитания учеников и организация содержательного досуга.

Пионерский возраст от девяти до четырнадцати лет самый благодатный возраст для воспитания в человеке определенных нравственных установок и моральных принципов. Вот такая ответственная миссия была возложена на нашу героиню при направлении на работу.

В то время работал в государстве закон предоставления выпускнику первого места работы по приобретенной специальности. Администрация, принявшая выпускника, не имела права уволить его ранее, чем через три года. В свою очередь и выпускник не имел права покинуть учреждение, в которое его направили на работу по распределению три года. Таким образом решалось немало проблем и учреждения, и

молодого человека взаимно.

Можно немало поразмышлять на эту тему, но судьба нашей героини настоятельно зовет вперед.

Деревня, где очутилась наша выпускница, была ей незнакома, но находилась довольно недалеко от отцовского дома, а также недалеко от родных мамы. В городе жил Андрей старший брат мамы и в другом районе – младший брат – Сергей.

Так что географически было удобно, если не считать транспортных проблем, ведь из глубинки попасть в район было проблематично. Но так жили все и ничего в этом сверхестественного не было.

Работа в сельской школе была интересная. Дети полюбили жизнерадостную, легкую во взаимоотношениях, начитанную и красивую девушку.

О красоте можно поспорить или поразмышлять, потому что она никогда не считала себя красивой. А если взглянуть со стороны, то внешний облик молоденькой 17-18 летней девушки с задорным и глубокомысленным взглядом весьма благоприятно дополняла копна красивых кудрявых волос.

В селе за её волосы, светлый нрав и легкую стройную фигуру прозвали «Пушинка». И сама она начала верить, что жизнь, вопреки всему, может быть лёгкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.